

ЖИВОЙ ГОРЬКИЙ

Б. БЯЛИК

ДРЕВНЕЕ изречение гласит, что о мертвых надо говорить только хорошее или не говорить ничего. Если допустить, что люди поступают действительно так, и если вслушаться в то, что говорится сейчас во всем мире о Горьком, — не остается сомнений: он жив. Жив и продолжает быть центральной фигурой мировой литературы.

Сегодня исполнилось тридцать лет со дня кончины Горького. Прошло три десятилетия, которые стоят иных трех веков, — так насыщены они событиями всемирно-исторического значения. А о Горьком, о его творчестве, о его эстетических принципах по-прежнему яростно спорят. Одни говорят о нем хорошее, другие — плохое. Одни борются за него, другие — против.

Как необходим еще Горький миллионам людей во всем мире, как продолжает он одним помогать, а другим «мешать» — это особенно наглядно показывает действительность капиталистических стран. О некоторых поучительных фактах мне рассказали недавно в ГДР.

Но сперва несколько слов о том, что я увидел в самой Германской Демократической Республике, о той любви, которой окружено здесь горьковское наследие.

Я был гостем издательства «Ауфбау» и, естественно, познакомился прежде всего с тем, как издаются в ГДР произведения Горького. «Ауфбау» выпускает собрание его сочинений, уже вышло несколько прекрасных изданных книг. Последняя из них

— «Литературные портреты», часть которых впервые переведена на немецкий язык. Издан сборник «Ленин и Горький». Готовятся к изданию горьковские публицистические и литературно-критические статьи, в большинстве еще неизвестные немецкому читателю.

В ГДР настойчиво и плодотворно изучают творчество Горького. В Берлинском и Лейпцигском университетах я имел удовольствие встретиться с немецкими горьковедами — Е. Козинг, Э. Мировой, И. Штрауер, И. Идзиговски, Г. Вармом, М. Жиро и другими и мог убедиться в том, как широк и многообразен круг их интересов. В Литературном институте имени И. Вехера руководительница семинара по изучению советской литературы Г. Рихтер познакомила меня с работой молодых немецких писателей о горьковской публицистике. Большинство работ пронизано острым ощущением важности тех проблем, которые ставил Горький и которые сохраняют свое значение в наши дни.

Во время этих встреч и бесед то и дело возникал разговор о фактах, особенно меня заинтересовавших: речь идет о гастролях театров ГДР в Западной Германии. Я встретился с непосредственными участниками этих гастролей — с актерами и режиссерами, и вот что узнал от них.

Рассказ надо начать с 1959—1960 гг., когда берлинский Немецкий театр, договорившись с театрами ФРГ об обмене спектак-

лями, дважды выезжал в Западную Германию с постановкой горьковских «Мещан».

Западногерманская пресса встретила театр не очень приветливо. Характерен был заголовок статьи, появившейся 4 мая 1960 г. в «Изерлонер цейтунг»: «Восточноберлинский театр — троянский конь?». В этой статье звучала почти бы прикрытая угроза не только по адресу артистов из ГДР, но и по адресу лиц, ответственных за приглашение Немецкого театра. Рецензенты западногерманских газет не отрицали высоких художественных достоинств спектакля, поставленного В. Хейнцем и К. Парила, но стремились доказать неактуальность горьковской пьесы, ее «музейный», «антикварный» характер. Вряд ли можно было не замечать, как остро звучат «Мещане» в ФРГ, где выдается за идеал та самая удовлетворенность сытым мещанским бытием, которую страстно обличал Горький. Но «Франкфуртер нахтаусгабе» невозмутимо заявляла (14 апреля 1959 г.), что из пьесы и спектакля нельзя извлечь ничего, кроме «исторических реминисценций».

Правда, сразу же определилось резкое расхождение между прессой и значительной частью театральной публики, которая восторженно приветствовала спектакль. Однако пресса сделала все, чтобы принизить этот успех. В «Зюддейче цейтунг» 4 мая 1960 г. говорилось: «К сожалению, публику легко покорить. Создается впечатление, что чем грубее опускается дубинка на головы зрителей, тем радостнее устремляются они ей навст-

речу. Когда раздался взрыв одобрения, была ясна его политическая окраска». Последнее «обвинение» подхватила 9 мая 1960 г. «Нейе Рейн-цейтунг»: «Демонстративные аплодисменты имели преимущественно политический характер».

В октябре 1965 года и напреде 1966 года на гастроли в Западную Германию выезжал со спектаклем «Ночлежка» (под таким названием идет в Германии пьеса «На дне») берлинский Театр имени Максима Горького.

На этот раз реакция западногерманской прессы оказалась иной — иной не по существу, а по форме, по тактическим приемам (по-видимому, были извлечены уроки из прошлых грубых промахов). Уже мало кто утверждал, что драматургия Горького устарела. Напротив, рецензенты наперебой доказывали актуальность пьесы. 25 апреля 1965 года «Марлер цейтунг» писала, что даже мертвый Горький «сохраняет способность вызывать горячую реакцию. Русский Буревестник и сейчас бросает старые, но не стареющие обвинения в зрительный зал... Воздух в Марльском театре был наэлектризован». Появившаяся 28 апреля 1966 года в «Килер морген цейтунг» статья начиналась словами: «Странная пьеса! Она жива, хотя, казалось бы (во всяком случае — на первый взгляд), должна была давно уйти в прошлое». И далее: «Поразительно современно звучат сейчас русские пьесы тех лет!»

Газеты высоко оценивали работу постановщика М. Валентина и актеров, особенно исполнителя роли Сатина А. Хеттерле (сообщалось, что знаменитый сатинский монолог вызывал бурные аплодисменты). Но эти похвалы таили в себе немало яда.

Западногерманские критики писали, что спектакль привлекает своей «нейтральностью», тем, что он свободен от всякой общественно-политической направленности. В «Килер нахрихтен» 28 апреля 1966 г. утверждалось: «Революционной драмой «Ночлежка» не является... Она остается для нас духовной драмой вне времени». В уже цитированной статье «Килер морген-цейтунг» говорилось, что не следует «вносить элемент классовой борьбы в эту игру голосов, звучащих со дна... Не социальное здесь отображено и не асоциальное, а просто жизнь, живые люди...» И критик хвалил театр за то, что он якобы одинаково, с одинаковым милосердием относится и к Костылеву, и к Сатину, и к Василисе, и к Наташе...

Такие «похвалы» не имели никаких оснований и не объясняли, а затемняли истинный характер выдающегося успеха спектакля (после одного из представлений занавес поднимался 40 раз!). Впрочем, западногерманские критики сами себя опровергали, признавая, что нельзя говорить о Горьком, не говоря об идеях и эстетических основах искусства социалистического реализма, крупнейшим представителем которого он был. В статье «Марлер цейтунг» о спектакле Театра имени Максима Горького проскользнуло такое замечание: «Актеры вынуждены публике свой реалистический социализм неприкрыто и в то же время хитро, вызывая... горячие аплодисменты. Здесь можно только сказать: шапки долой перед такой идеологической маскировкой, которую не замечают!»

В апреле 1966 года на гастроли в Западную Германию отправился Дрезденский драматический

театр. Он показал в ФРГ пьесу Горького «Враги».

Такой выбор был сделан не без колебаний и сомнений. Во-первых, в некоторых западногерманских городах (Киле, Герфорде и др.) это была уже третья пьеса Горького, показанная театрами ГДР, а кое-где — даже четвертая (на гастролях в ФРГ побывал еще Веймарский театр с «Вассой Железновой»). Затем, пьеса «Враги» уже не может вызвать спор о том, есть ли в ней «элемент классовой борьбы»: в ней непосредственно и широко изображена борьба рабочего класса против буржуазии. Не пытаются ли реакционные круги ФРГ сорвать гастроли, обьявив их «пропагандой»? И, наконец, не покажется ли западногерманскому зрителю устаревшим и «скучным» строго реалистический стиль дрезденского спектакля?

Я видел этот спектакль, когда был в Дрездене. Постановка Г. Мюллера не безупречна: мне показалось, что, при правильности общей трактовки, артисты недостаточно глубоко проникают в психологию Захара Бардина, Полины и других отрицательных персонажей. Но вся линия пьесы, связанная с положительными героями, прочерчена четко, искренне, взволнованно. Сцена, когда старик Левшин (А. Хюттен) уговаривает молодого Рябцова (Р. Штёвезанд) пойти на каторгу вместо более нужного для дела товарища, звучит так сильно, как ни в одной из виденных мною постановок «Врагов» (а я видел замечательные постановки).

Гастроли Дрезденского театра не могли пройти «гладко». Не только часть прессы (были прямые нападки на Горького), но и часть публики пыталась устроить обструкцию спектаклю «Враги». Однако верх в зрительных залах

одержали те, кто приветствовал театр и пьесу. Любопытен такой эпизод. Желая ослабить воздействие пьесы, одна из газет заявила, что никаких параллелей между событиями, изображенными Горьким, и действительностью Западной Германии проводить нельзя, так как в ФРГ нет... классовой борьбы. Но бургомистр этого города сказал на приеме, устроенном в честь артистов из ГДР:

— Признайтесь, что вы встали в пьесу Горького кое-что от себя! Ведь в спектакле есть прямые намеки на ФРГ...

Конечно, было бы неверно упрекать и тем более приукрашивать обстановку, царящую в Западной Германии. Реваншистская пропаганда сумела повлиять на довольно значительную часть населения. И все же не следует отождествлять то, что происходит здесь на поверхности, с глубинными процессами, совершающимися в сознании демократических слоев. Задача всех миролюбивых сил — плодотворно воздействовать на эти процессы. Вот почему заслуживают глубокой признательности театры ГДР, которые так хорошо поняли и воплотили неослабевающий боевой дух произведений Горького. Такой же признательности заслуживают издательства ГДР, делающие доступными для немецкого читателя новые и новые горьковские творения.

...В Берлине, Лейпциге и других городах ГДР мне часто задавали одни и те же вопросы:

— Как вы готовитесь к 1968 — «горьковскому» — году? Что уже сделали? Что собираетесь сделать?

Действительно, она не так уж далека — дата 100-летия со дня рождения Горького, замечательная дата, которую отметит все передовое человечество.